

Россия и новая «промежуточная» Европа

В отношениях России с Белоруссией, Украиной и Молдавией в следующем десятилетии может произойти ускорение центробежных тенденций; нельзя полностью исключить и резко дезинтеграционный сценарий | **АРКАДИЙ МОШЕС**

Многие эксперты воспринимают итоги политического развития западной части постсоветского пространства за два прошедших десятилетия как появление «стратегически несостоятельной ничейной земли между объединившимся Западом и все более враждебной Россией»¹. Данная точка зрения аргументируется следующим образом. С одной стороны, Украина, Белоруссия и Молдавия, несмотря на выраженное — в некоторых случаях однозначно и даже формально юридически — стремление добиться полной интеграции в евроатлантические структуры, не получили перспективы членства в Европейском союзе и НАТО. С другой стороны, Россия не обладает всей полнотой контроля над региональными процессами. Москва в состоянии заблокировать абсолютно неприемлемые, с ее точки зрения, варианты внешнеполитического поведения местных режимов, но не может добиться полного экономического и политического доминирования, запуска механизмов реинтеграции, а также международного признания региона в качестве своей исключительной сферы влияния.

Всё это так. Однако проблема в том, что такой подход во многом выстроен в тради-

циях XIX–XX веков, когда судьба спорных территорий определялась соотношением сил крупных держав. В наши же дни даже небольшие страны обладают значительной международной субъектностью, правом и возможностью выбора. Эта возможность увеличивается, когда действия отдельных стран вписываются в региональный контекст. В 90-е годы прошлого столетия это было характерно для Центральной Европы и стран Балтии, а сегодня начинает ощущаться также и к западу от линии российско-украинской и российско-белорусской границы.

Разумеется, ничего подобного организационному формату «вышеградской четверки» в западной части СНГ не наблюдается. Скорее речь идет о неформальном объединении на основе европейского самоощущения, противопоставляемого российской самоидентификации как в ее «евразийском», так и «евро-тихоокеанском» вариантах, а также на основе восприятия России как вызова своему суверенитету. В последнее время к этому добавилось еще и осознание общности экономических интересов энергозависимых и энерготранзитных стран в противовес интересам России как энергопроизводителя и экспортера углеводородов.

Соответственно, не существует и общепринятого термина для обозначения новой (суб)региональной общности, о которой здесь идет речь. Ясно только, что эвфемизмы типа «западное СНГ» или «западные ННГ» («новые независимые государства») непродуктивны. Первый подразумевает работоспособность отдельно взятой части общего неэффективного механизма СНГ. Второй квалифицирует государства, независимые уже в течение 20 лет, как «новые». И то и другое неверно. Возможно, пора ввести в оборот термины «промежуточная Европа» или «новая восточная Европа». При всей их спорности они отражают главное: во-первых, возникновение общности, в которой «постсоветский» компонент идентичности постепенно замещается «европейским» или «квази-европейским», а во-вторых, промежуточное, отдельное и от России, и от Запада, геополитическое положение региона.

При этом появляется возможность, отказавшись от рассмотрения Украины, Белоруссии и Молдавии — по отдельности или в совокупности — исключительно как поля геополитической конкуренции России и Запада, воспринимать всю эту конструкцию скорее как треугольник, в котором региональные акторы обладают самостоятельной, хотя и очевидно еще слабой субъектностью. В условиях, когда Россия строит свою политику на основе четкого целеполагания (сохранение сферы влияния), но обладает относительно ограниченными средствами, а Запад — наоборот, имея колоссальные экономические рычаги, отказывается от выработки стратегического видения целей, будущее региона в большой степени зависит именно от выбора самих стран региона, от способности их правящих элит эффективно распорядиться внутренними и теми внешними ресурсами, которые будут им предоставлены. Пространство для маневра и игры на балансе существует, и, как показывает опыт,

некоторые региональные лидеры этим умело пользуются.

Описанная методологическая рамка послужила основой предпринимаемой в статье попытки спрогнозировать развитие отношений России с регионом «промежуточной Европы» на период до 2020 года.

Наиболее вероятным представляется инерционный, то есть «мягкий» дезинтеграционный сценарий. Он задан фундаментальными и во многом необратимыми изменениями между 1991-м и 2010-м, которые проанализированы ниже. Согласно этому сценарию, влияние России в регионе в средне- и долгосрочной перспективе будет уменьшаться. Естественно, движение может быть волнообразным (возможны стадии сближения), но в стратегическом масштабе взаимодействие будет становиться менее интенсивным. Парадигму «зависимости от пути» (*path dependency*) преодолеть не удастся. Для достижения регионом критической точки интеграции в экономико-правовую систему Европейского союза — даже в техническом смысле, не говоря уже о ее ценностном измерении — одного десятилетия не хватит, но этого времени может оказаться достаточно для переноса линии нормативного раздела Европы, условно говоря, с украинско-польской на украинско-российскую границу.

С точки зрения интересов России, «мягкая» дезинтеграция — не худший сценарий. Он позволяет сохранить естественную степень взаимовыгодного экономического сотрудничества и избежать перерастания неизбежных частных противоречий в открытый общий конфликт со странами региона и с Европейским союзом. Россия окажется в более сложной ситуации, если центробежное развитие пойдет не по инерционному, а по ускоренному сценарию, но для этого потребовалось бы совпадение нескольких предпосылок, что не исключено, но все-таки маловероятно. Оптимальный сценарий

предусматривает глубокие внутренние преобразования в самой России и возврат на новой основе к политике так называемого «европейского выбора», провозглашенного, но не реализованного в начале 2000-х годов, что автоматически сняло бы напряжение на линии возможного разрыва. Однако в краткосрочной перспективе это практически невероятно, а откладывание внутренних реформ даже на несколько лет может привести к тому, что преодоление центробежной парадигмы окажется невозможным.

Динамика внутренних изменений: накопление отличий

В современных условиях два десятилетия — реалистичный срок для становления независимого государства в Европе. Для сравнения: аналогичного по времени опыта независимости стран Балтии в межвоенный период хватило для укоренения национально-государственной идентичности в этой части бывшей Российской империи в такой степени, что даже через пять десятилетий со времени присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к СССР местное население и элиты воспользовались первой же возможностью для восстановления национальной государственности. И на постсоветском пространстве за двадцать лет во взрослую жизнь вступило целое поколение людей, родившееся в условиях независимости и не помнящее Советского Союза, а у старших поколений выработалась привычка к отдельному от России и других постсоветских республик существованию, как бы они изначально ни относились к самому факту распада СССР. Поскольку местным правящим группировкам для обоснования *собственного* пребывания у власти необходимо подчеркивать плюсы государственной независимости, практически повсеместно через систему образования и СМИ началось внедрение идеологических платформ и исторических интерпретаций,

отличных от российских, хотя и необязательно прямо конфликтующих с ними.

Анализируя результаты этого процесса применительно к Украине, Белоруссии и Молдавии, можно выделить следующие значимые моменты, которые свидетельствуют о формировании общественно-политического уклада, отличающего и отдаляющего эти страны как от России, так и от других постсоветских регионов.

ИДЕНТИЧНОСТЬ Прежде всего, в массовом сознании жителей региона, за частичным исключением Молдавии, закрепились идея ценности независимости. Так, на Украине, согласно ежегодно проводимым Центром Разумкова опросам, число людей, готовых в случае проведения референдума по этому вопросу проголосовать за независимость, превышает число противников во всех регионах страны и во всех возрастных группах, хотя на западе и в центре Украины большинство в поддержку независимости является абсолютным, а на востоке и на юге — относительным. Общие показатели намного уступают результатам референдума 1991-го (тогда 90 проц. населения голосовало «за», 8 — «против», в то время как в 2009 году результаты составили в целом по стране 52 и 22 проц. соответственно), однако противники независимости все равно в явном меньшинстве. В 2005-м 76 проц. граждан страны ожидали от новоизбранного президента укрепления независимости ². В Белоруссии в декабре 2009 года на вопрос о том, было ли провозглашение независимости благом для страны, положительно ответили 65,5 проц. опрошенных, неодобрительно — только каждый пятый ³.

Соответственно, идея политической реинтеграции с другим государством пользуется поддержкой меньшинства. Даже в Белоруссии количество людей, готовых голосовать на референдуме за объединение с Россией (термин заведомо абстрактный,

поскольку при его конкретизации используются разные понятия — от нынешнего Союзного государства до интеграции по типу ЕС), сократилось за последнее десятилетие с 47 (пик достигнут в 2003-м — 53) до 32 проц. в марте 2010-го. На Украине в 2007-м в поддержку идеи выхода того или иного региона из состава страны и его присоединения к неназванному другому государству высказывалось лишь 6,3 проц. населения (10,4 на востоке страны, 11,6 на юге, 3,4 на западе, 1,4 проц. в центре) ⁴.

“Ситуация в Молдавии отличается от украинской и белорусской тем, что там преимущественной поддержкой пользуются идеи членства в более крупных образованиях”.

При этом становление новой идентичности происходит на основе культурного наследия «титულიной» нации и постепенного отхода от советской традиции. На Украине в 2007 году с украинской культурной традицией ассоциировали себя почти 58 проц. респондентов (с советской — менее 20, русской — примерно 10). В русскоязычных регионах страны эти показатели составили 42, 23 и 18 проц. на востоке и 41, 26,5 и 18 проц. на юге соответственно ⁵. В Белоруссии, притом что менее 4 проц. опрошенных жителей этой страны используют в быту только белорусский язык (почти 60 проц. — русский, остальные — смешанный диалект, так называемую трясянку), 16 проц. респондентов сочли, что белорусский должен быть единственным государственным языком, 65 выступили за официальное двуязычие и менее 15 проц. — за обязательное использование только русского.

Ситуация в Молдавии отличается от украинской и белорусской тем, что там преимущественной поддержкой пользуются идеи членства в более крупных образованиях. Так, с одной стороны, согласно ноябрьскому

опросу 2009-го, проведенному Институтом публичной политики (опросом не было охвачено Приднестровье, но и без него результаты не нуждаются в дополнительной интерпретации), более 43 проц. респондентов против примерно 30 были готовы проголосовать на референдуме за возврат страны в восстановленный СССР. С другой стороны, 63 проц. той же выборки хотели бы вступления страны в ЕС, что говорит о крайней противоречивости общественных настроений в целом, но в любом случае свидетельствует об

определенно некомфортном, с точки зрения людей, существовании в рамках куда не интегрированного небольшого государства ⁶. Правда, другое исследование убедительно демонстрирует, что среди молдавской молодежи до 30 лет однозначно доминирует взгляд, согласно которому постсоветская история страны подтвердила правильность курса на независимость от СССР и самостоятельное развитие ⁷.

Важно отметить, что проживание в регионе значительного по численности русского и русскоязычного населения критическим образом не сказывается на наблюдаемой картине. Как справедливо отмечал российский исследователь Дмитрий Тренин, для русскоязычных общин на постсоветском пространстве в целом Российская Федерация является страной прошлого, а не настоящего и будущего. «Русские на Украине или в Казахстане, — пишет он, — в культурном отношении могут ощущать себя русскими, но при этом они смирились с проживанием в странах, где они составляют меньшинство. Иными словами, нигде не наблюдается особой тоски по “воссоединению” с Россией» ⁸.

Специфика региона «промежуточной Европы» по сравнению с другими постсоветскими регионами заключается в том, что здесь формирование новой идентичности идет параллельно с отказом от восприятия России как единственно возможного интегрирующего центра в данном пространстве. В то время как трудно представить себе добровольное согласие соответствующих стран признать в таком качестве, скажем, Китай или Турцию, в изучаемом регионе эту роль достаточно рано начали отводить Европейскому союзу и Западу в целом, что придает процессу дополнительную политическую окраску. На Украине и в Белоруссии уровень поддержки геополитической ориентации на Европу на протяжении 2000-х годов колебался. Он достиг пиковых значений в 2002-м, что было связано с всплеском интеграционных ожиданий после принятия решений о расширении ЕС, и опускался по мере нарастающего разочарования после отказа Евросоюза предоставить восточным соседям перспективу членства в своей организации, но в целом оставался сопоставимым с показателями ориентации на Россию. В Молдавии же, как было показано выше, евроинтеграционные настроения заняли господствующие позиции, что связано в том числе и с географической отдаленностью от России и, по всей вероятности, с ощущением принадлежности не только к постсоветскому ареалу, но и к региону исторических Балкан, который получил европейскую перспективу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В 2000-е на территории всех стран региона установились политические режимы, способные к воспроизводству и/или смене власти без помощи Москвы и безотносительно к ее позиции, что следует признать качественным сдвигом. Россия утратила свою роль «делателя королей» как в политтехнологическом плане, так и в смысле обеспечения международной легитимации

местных режимов. Внутриполитическая конъюнктура стала значить больше, чем отношения с Кремлем.

Украинский случай наиболее очевиден. Как известно, Виктор Ющенко стал президентом Украины в 2005 году наперекор откровенному противодействию со стороны России. Последующие события продемонстрировали, что Москва была не в состоянии предотвратить ни вступления своего бывшего фаворита Виктора Януковича в правительственную коалицию с Ющенко в 2006-м, ни возвращения к власти «оранжевой коалиции» Ющенко и Юлии Тимошенко, во второй раз ставшей премьер-министром в 2007 году. Несмотря на свою временами жесткую антироссийскую публичную позицию — она, например, опубликовала в ведущем американском издании статью «Сдерживание России», — Тимошенко-премьер была принята Москвой в качестве партнера. В итоге в период президентской кампании 2009–2010 годов Россия предпочла не делать однозначной политической ставки. Такая линия поведения была полностью оправдана, поскольку основные кандидаты — Тимошенко и Янукович — равно считались способными к прагматичному сотрудничеству, но она же освободила победителя от обязанности «благодарить» Россию за поддержку. Личностные предпочтения лидеров, безусловно, имели значение в выборе приоритетов политики Киева в период между выборами, однако системной зависимости от Москвы для достижения победы больше нет.

На перипетии смены власти в Молдавии обычно обращают меньше внимания, хотя местные события были в чем-то даже более поразительными. В 2001-м лидер молдавских коммунистов Владимир Воронин был избран президентом на платформе сближения с Россией. Но после того, как в 2003 году его администрация отвергла российский план урегулирования приднестровского конфлик-

та, предоставлявший России серьезные выгоды, отношения Воронина с Москвой резко ухудшились. На выборы 2005-го он вышел с критикой Москвы и выиграл, а вот обратная метаморфоза в 2009-м коммунистам уже не удалась. Несмотря на достигнутое взаимопонимание с российским руководством и обещания экономической помощи, крайне важные в период экономического кризиса, на парламентских выборах коммунистическая партия не набрала большинства, необходимо для избрания президента, а на повторных

2006 и 2010 годов (президентские выборы). Лукашенко — по-видимому, первым из постсоветских лидеров — позволил себе демонстративно не встретиться с российским премьер-министром Владимиром Путиным, что последний раз показало: белорусский лидер не ищет публичной поддержки Москвы⁹.

При этом в украинском и молдавском случае фундаментальное значение в ослаблении внутривнутриполитической роли России и общем центробежном дрейфе имеет складывание политических систем, качествен-

“Россия утратила свою роль «делателя королей» как в политтехнологическом плане, так и в смысле обеспечения международной легитимации местных режимов”.

вообще уступила большинство коалиции, декларирующей национал-демократические ценности и европейский выбор. Характерно, что после этого Москве для сохранения лица пришлось дипломатично минимизировать эффект поражения сил, с которыми она до этого договорилась, и демонстрировать взаимопонимание уже с новой администрацией.

Белорусский лидер Александр Лукашенко, бессменно занимающий президентское кресло с 1994 года, с течением времени также укрепил свою самостоятельность. В 1990-е по внутривнутриполитическим причинам ему было выгодно создавать себе имидж интегратора, объединителя постсоветского пространства и строителя двустороннего союза с Россией, для чего была необходима публичная поддержка Москвы. Но в 2000-е годы, адекватно реагируя на изменения в настроениях белорусского населения, Лукашенко стал прибегать к риторике суверенитета и самостоятельности. В таком контексте важнее подчеркнуть элементы различия, а не сходства между Беларуссией и Россией, что и стало основным мотивом его политических кампаний 2004-го (конституционный референдум),

но отличных от нынешней российской. Украина и Молдавия — избирательные демократии. Там постоянно идет состязательный политический процесс, отражающий плюрализм мнений, а разрешение споров и коллизий происходит посредством свободных выборов, качество которых сертифицируется международными наблюдателями. Оппозиция приходила к власти в Молдавии в 2001 и 2009 годах, а на Украине — в результате всех четырех выборов последнего пятилетия (президентские 2005 и 2010 годов и парламентские 2006-го и 2007-го). Безусловно, в такой ситуации можно вести речь о некоей механистичности, предопределенности победы популизма и протестной платформы, но, с другой стороны, гарантия прав оппозиции обеспечивает общую гибкость системы, предохраняет от смены власти по революционному сценарию. Внешнее влияние на такие системы объективно затруднено, потому что договоренность с какой-то одной силой не обеспечивает преемственности в выполнении обязательств, принятых на себя правящей группой от имени страны.

В обеих этих странах президент не обладает всей полнотой власти. В Молдавии это заметно в меньшей степени, поскольку ограниченность властной позиции президента проявляется в основном в момент его избрания парламентом. На Украине — в большей, так как конституционный дизайн страны устанавливает смешанную президентско-парламентскую (с 2006-го до осени 2010 года — парламентско-президентскую) систему. Но в обоих случаях типологически политическая система оказывается ближе к центральноевропейским, чем к классическим постсоветским образцам.

Белорусский же режим, наоборот, типологически близок к российскому. Более того, можно предположить, что в выстраивании вертикали власти в 2000-е годы Москва в известной степени следовала рецептам, разработанным ранее в Минске. На первый взгляд близость «ценностей» должна была бы стать фактором сближения. Однако, парадоксальным образом, в данном случае именно концентрация власти в Белоруссии на практике становится препятствием для оказания российского влияния. Когда договориться с президентом Лукашенко не удается, в стране попросту не находится силы, которая могла бы оказать на него результативное внутреннее давление в поддержку российской позиции. Ответ на вопрос, возникла ли такая ситуация потому, что Москва в свое время сама позволила Лукашенко занять нишу «единственного пророссийского политика Белоруссии», или политические движения страны попросту не видели пользы в том, чтобы оппонировать президенту с промосковской платформы и считали более перспективными для себя проевропейские лозунги, в данном контексте не принципиален.

РОССИЯ КАК ВЫЗОВ СУВЕРЕНИТЕТУ Непосредственно после распада СССР страны региона избрали принципиально разные модели отношений

с Россией. Украина практически сразу легла в геополитический дрейф, уводящий в сторону от России, и отказалась от участия в совместных с Москвой структурах обеспечения безопасности. Киев активно развивал альтернативные форматы международного сотрудничества: отношения особого партнерства с НАТО, взаимодействие с соседями в Центральной Европе, и прежде всего с Польшей, ставка на страны — члены СНГ, у которых были проблематичные двусторонние отношения с Россией. Все это поддерживало высокий уровень конфликтности в российско-украинских отношениях. Белоруссия, наоборот, продекларировала ставку на политическую реинтеграцию с Россией вплоть до создания Союзного государства, присоединилась к ориентированной на Москву Системе коллективной безопасности и разместила на своей территории российские военные базы. Молдавия начала поиск промежуточной стратегии, исходя из того, что без поддержки России ни экономическое развитие страны, ни восстановление ее территориальной целостности и разрешение приднестровского конфликта окажутся невозможными.

Однако в настоящее время все три государства имеют весьма сложные двусторонние отношения с Россией, что само по себе симптоматично и заслуживает внимания. Более того, в значительной степени они воспринимают Россию в качестве основного вызова суверенитету и/или территориальной целостности. Соответственно, Киев, Минск и Кишинёв сегодня нацелены на создание противовеса России в лице внешних игроков, а не нахождение в ее фарватере. После того как Россия во время конфликта с Грузией в 2008-м пошла на силовое изменение границ одного из постсоветских государств, опасения за сохранность своего суверенитета повсеместно усилились.

Наиболее радикальный поворот произошел в политике Белоруссии. Президент Лукашенко в своих выступлениях постоянно в резких

выражениях описывает политику России как, по сути, враждебную¹⁰. Конечно, можно было бы списать подобную риторику на понятное желание белорусского лидера использовать многочисленные экономические конфликты с Москвой для того, чтобы мобилизовать внутриполитическую поддержку, и по этой причине не придавать словам Лукашенко слишком серьезного значения. Однако очевидно, что в ряде предпринятых Россией шагов политический класс Белоруссии в самом деле увидел действия, направленные на системное осла-

но добивалась ослабления российского влияния на свою внутреннюю ситуацию. Тем не менее в середине текущего десятилетия она также стала объектом российских экономических санкций. На экспорт ее винной продукции в Россию было наложено эмбарго. В том числе в результате этих действий Москвы в стране сформировалось четкое понимание (хотя не все политические силы по понятным причинам готовы его публично высказать), что Россия представляет собой часть проблемы, а не ее решения¹¹. Применительно к

“Украинские бизнес-империи посчитали невыгодным вступить в единое экономическое пространство с Россией и отдали предпочтение членству в ВТО”.

бление ее суверенитета, если не на полный демонтаж независимости страны. В 2002 году Белоруссии было публично предложено войти в состав России шестью областями, что было совершенно неприемлемо для руководства страны. В 2004-м Белоруссия стала первой страной СНГ, против которой в качестве переговорного инструмента было применено «энергетическое оружие» в виде отключения поставок газа. В 2008–2009 годах Москва настойчиво добивалась от союзного государства признания независимости Абхазии и Южной Осетии, что опять-таки трактовалось как стремление России ограничить внешнеполитический суверенитет Белоруссии. После того как попытка обеспечить свою энергетическую безопасность посредством передачи «Газпрому» трубопроводных активов не привела к искомому результату — цены на энергоносители продолжили расти, а льготный режим их переработки в Белоруссии был свернут, — стало окончательно ясно, что стране необходима и экономическая, и общеполитическая диверсификация внешних связей.

Молдавия в течение долгого времени скорее пыталась лавировать, чем целенаправлен-

но добивалась ослабления российского влияния на свою внутреннюю ситуацию. Тем не менее в середине текущего десятилетия она также стала объектом российских экономических санкций. На экспорт ее винной продукции в Россию было наложено эмбарго. В том числе в результате этих действий Москвы в стране сформировалось четкое понимание (хотя не все политические силы по понятным причинам готовы его публично высказать), что Россия представляет собой часть проблемы, а не ее решения¹¹. Применительно к приднестровскому конфликту Россия перестала восприниматься как объективный посредник. Взгляд на Россию сторонами конфликта как на игрока, по определению поддерживающего режим Приднестровья, осложняет отношения между Москвой и Кишинёвом, но одновременно развязывает руки Тирасполю, превращая РФ в заложника, а не хозяина ситуации.

Что касается Украины, то здесь наблюдается определенная цикличность, когда попытки наладить взаимодействие с Россией на базе экономических разменов перемежаются периодами обострения. Сближение 2001–2004 годов оказалось недолговечным из-за нежелания Украины в том или ином виде уступить контроль за своей газотранспортной системой, которая служит основным рычагом воздействия Киева на Москву. Кроме того, местные бизнес-империи посчитали невыгодным вступить в единое экономическое пространство с Россией, которому они в конечном итоге предпочли членство в ВТО. Руководство страны того периода не было склонно к открытому высказыванию опасений в адрес России. Но это не значит, что оно

игнорировало отказ России демаркировать границы, и в особенности признать выгодную для Украины советскую морскую границу в Керченском проливе, или спокойно относилось к регулярно появляющимся полуофициальным высказываниям о возможности выхода России из базового двустороннего договора 1997 года, признающего территориальную целостность Украины, включая Крым.

После прихода к власти в стране президента Виктора Ющенко (2005–2010) с его ставкой на членство Украины в НАТО настал период неприкрытой конфронтации, которую характеризуют не только газовые войны 2006 и 2009 годов, но и отзыв из Киева российского посла. Очевидно, что в подобной ситуации нервное восприятие российских действий в регионе в целом и по отношению к Украине в особенности должно было достичь апогея¹². После поражения на выборах Ющенко и избрания президентом в феврале 2010-го Виктора Януковича, представителя востока страны и премьера в 2002–2004 годах, маятник естественным образом качнулся в обратную сторону. Было достигнуто соглашение, согласно которому в обмен на скидки в цене на газ пребывание российского флота в Севастополе продлено с 2017-го до 2042-го, из чего следует, что новое руководство страны меньше боится возможных недружественных действий Кремля, чем предшествующее. Однако можно ожидать, что в обозримой перспективе расхождение экономических интересов вновь усилит опасения по поводу намерений России. Москва, по всей вероятности, пользуясь сложной экономической ситуацией, будет добиваться перехода под ее контроль важных экономических активов, параллельно — благодаря обходным газопроводам — пытаясь ослабить фактическую монополию Украины на транзит российского газа в Европу, а Киев будет сопротивляться этому всеми доступными средствами¹³.

Ограничители российской политики

Предыдущий период продемонстрировал, что, несмотря на то, что Россия гораздо сильнее любого из региональных контрагентов по отдельности, ее возможности наращивать свое влияние существенно ограничены. Итоги курса 2000-х в этом смысле наиболее показательны, поскольку в отличие от 1990-х годов в это время Москва действительно пыталась проводить целенаправленную жесткую политику. Тем не менее, по оценке многих экспертов, Россия в лучшем случае смогла замедлить, но не повернуть вспять процесс дезинтеграции пространства бывшего СССР¹⁴ и никоим образом не вернула себе всей полноты контроля над ситуацией в регионе¹⁵. Это происходит потому, что возможности российской политики сталкиваются с фундаментальными ограничителями. Сохранятся они и в перспективе.

Во-первых, несмотря на значительную централизацию внешнеполитического курса, в сегодняшней России нет и, видимо, в принципе *не может быть* полного консенсуса относительно конкретных целей и содержания политики. В России произошла «маркетизация» внешней политики, и это обстоятельство затрудняет гармонизацию интересов различных внутренних игроков. Даже в среде государственных акторов очевиден базовый конфликт между стремлением к получению геополитических, военно-политических выгод и неготовностью брать на себя крупные затраты по оплате расходов потенциальных союзников. Тем более в этом не заинтересованы частные компании, в особенности если им приходится соглашаться на фактическую уступку доли внутреннего рынка поставщикам из других стран в обмен на внешнеполитическую позицию их правительств. Когда частный бизнес пытается проникнуть в страны региона, то одни компании делают ставку на использование политической поддержки Москвы, другим же выгоднее без излишней политизации договориться с местными

властями. Наконец, свою негативную роль играют широко распространенная коррупция и различные непрозрачные посреднические структуры. В результате единый курс не складывается, и российская политика зачастую преследует взаимопротиворечащие цели.

Хрестоматийным примером является Белоруссия. С одной стороны, Москва демонстрирует интерес к сохранению в лице Белоруссии военного союзника и партнера в борьбе с расширением геополитического влияния Запада, запускает новые интеграци-

их использования, в особенности многократного и/или длительного, лишь усиливаются эффект отталкивания, стремление найти новых союзников и новые рынки. Симпатии к России в странах, подвергшихся давлению, резко падают¹⁶. Непосредственные результаты политики «кнута», как наглядно показал тот же газовый кризис 2009 года, когда России не удалось ни на шаг приблизиться к контролю над украинской газотранспортной системой, часто оказываются далекими от искомым, и при этом сама Россия несет эко-

“Несмотря на то, что Россия гораздо сильнее любого из региональных контрагентов, ее возможности наращивать свое влияние существенно ограничены”.

онные проекты типа трехстороннего таможенного союза с подключением Казахстана. С другой стороны, Россия постепенно лишает Белоруссию доходов от переработки и транзита энергоносителей и периодически ведет с ней различного рода продуктовые войны, не выказывая желания взамен взять на себя четкие обязательства по оплате военного присутствия и тем более модернизации белорусских вооруженных сил. По отдельности обе эти линии легко объяснимы, логичны и состоятельны, но вместе они лишь подрывают друг друга, предоставляя Александру Лукашенко поле для дипломатического маневра и использования лоббистских каналов внутри российских коридоров власти.

Во-вторых, безотносительно к целям политики, речь идет об *ограниченности ресурса*. Совершенно понятно, даже если вынести за скобки долговременную тенденцию к диверсификации торговых связей стран региона и самой России, что экономическое давление (перекрытие поставок энергоносителей и ограничение доступа на российский рынок) нельзя применять до бесконечности. Санкции — обоюдоострое оружие. В случае

номические и репутационные потери¹⁷.

Но и экономические стимулы (дешевые энергоносители, льготный доступ на рынки, открытие рынка труда) в том случае, если они применяются только для обеспечения политической лояльности постсоветских режимов, не в состоянии обеспечить надежную привязку государств-клиентов. В этом случае, с одной стороны, быстро возникают изживенческие настроения и восприятие субсидий как данности, а с другой — не исключена «продажа» лояльности другим патронам. Любые попытки добиться снижения субсидий, как демонстрирует поведение Белоруссии, мгновенно ведут к конфликтам, а их предоставление приходится обосновывать внутри страны. Последняя задача с приходом экономического кризиса и возвратом России к временам дефицитного госбюджета только усложнится. Соответственно, в странах-адресатах усилятся осознание несопоставимости экономической мощи России и западных игроков¹⁸. Экономическая мощь ЕС и западных финансовых институтов станет дополнительным фактором ослабления так называемой «мягкой силы» России.

Сдвиги в идентичности населения стран — соседей России не позволяют рассчитывать на легкое привлечение на свою сторону симпатий их граждан посредством использования таких элементов «мягкой силы», как русскоязычные СМИ, православная церковь или получение образования в России. Можно прогнозировать как минимум раскол в сфере геополитических ориентаций, а в перспективе и нарастающее ощущение принадлежности к европейскому ареалу, пусть и его периферии.

Россия сохраняет, а в чем-то даже усиливает свой инструментарий косвенного воздействия на регион через западных партнеров. Как показал Бухарестский саммит НАТО 2008 года, в критических ситуациях — в данном случае речь шла о предоставлении Украине и Грузии так называемого Плана действий по членству в альянсе (ПДЧ) — для того, чтобы не допустить неприемлемых для себя результатов, Москва способна результативно влиять на позиции ключевых европейских столиц. Поскольку Берлин, Рим и Париж по собственным причинам сегодня не видят необходимости в дальнейшем расширении НАТО и ЕС, иногда они соглашаются играть на стороне России. Вместе с тем это обстоятельство лишь подчеркивает недостаточность инструментов прямого контроля. В контексте данной работы критически важно то, что Киев, несмотря на все давление, в 2008-м не отозвал свою заявку на получение ПДЧ, не оставив Москве иного выбора, кроме как апеллировать к западным странам и предоставить им принятие решения.

В-третьих, российская политика, адресованная Украине, Белоруссии и Молдавии, больше не является сугубо двусторонним вопросом. Россия вынуждена учитывать собственные *отношения взаимозависимости с ЕС*, которые также служат ограничителем применения наиболее жестких средств давления. В тех случаях, когда российские действия не

задевают жизненно важные интересы стран Запада, как это произошло в ходе грузинско-го конфликта 2008 года, ЕС ограничивается риторическим осуждением, и такую позицию на практике можно игнорировать. Однако когда под угрозой оказываются интересы энергобезопасности, ЕС действует более активно. В ответ на российско-украинскую газовую войну 2009-го Евросоюз не только резко усилил поиск путей диверсификации энергопоставок, но и документально — соответствующее двустороннее соглашение было подписано 23 марта 2009 года — выразил готовность развивать двустороннее сотрудничество с Украиной и участвовать в модернизации ее трубопроводов, несмотря на негативную позицию России. Осознание того, что отключение газа Украине в условиях ее фактической монополии на транзит мгновенно отразится на имидже России в Европе, делает маловероятным повторение событий января 2009-го, даже если, как это неоднократно случалось ранее, Украина со своей стороны не будет выполнять контрактные обязательства.

Европейский союз: новый центр притяжения

В свою очередь за последние несколько лет Европейский союз качественно изменил свой подход к региону. До своего расширения на восток в 2004–2007 годах интересы ЕС сводились к поддержанию стабильности и развитию экономического сотрудничества. Существовали различные форматы взаимодействия, но в целом Евросоюз не видел необходимости принимать на себя ответственность за развитие стран региона. Более того, даже непосредственные соседи Украины, Белоруссии и Молдавии из числа стран — кандидатов в ЕС не стремились к налаживанию подлинно интеграционных связей, поскольку опасались, что такие действия могут затормозить их собственное движение в ЕС.

После выхода ЕС на западные границы «промежуточной» Европы он утратил возможность занимать отстраненную позицию. Дело не только в том, что новые соседи в целом приветствуют увеличение вовлеченности ЕС в региональные дела, а новые члены Союза подталкивают Брюссель к сотрудничеству со своими историческими партнерами на востоке. Фундаментальная причина возрастающей активности ЕС на своей новой восточной периферии в большей степени состоит в том, что в Брюсселе осознали: без

менее затратно, то после саммита в Бухаресте пассивная позиция означала бы консервацию имиджево невыгодного положения «двойного отказа» и общую негативную реакцию на региональные пожелания институционального сближения. Поскольку Россия никогда резко не выступала против расширения ЕС в принципе, на уровне формальной дипломатии также сложилась относительно благоприятная ситуация.

Постепенно Евросоюз продекларировал готовность выстроить с теми региональными

“Впервые на востоке Европы создан формат институционального взаимодействия между ЕС и постсоветскими странами, не включающий Россию”.

успешной трансформации страны региона вряд ли смогут сократить разрыв в уровне благосостояния, что грозит их превращением в источник вызовов «мягкой безопасности». И наоборот, реформы, строительство функционирующей рыночной экономики и политическая демократизация, как показал опыт Центральной Европы, намного снижают этот риск и приводят к возникновению новых возможностей, в том числе для экономического проникновения. Реформы же становятся более вероятными, если ЕС сможет предложить партнерам набор стимулов.

Немаловажную роль играет и понимание того обстоятельства, что без обеспечения энергетической безопасности государств региона, без принятия ими прозрачных правил игры в этом секторе, под сомнением окажется и энергетическая безопасность ряда стран — членов Евросоюза.

Дополнительным фактором оказалось снятие в 2008 году вопроса о дальнейшем расширении НАТО. Если до какого-то момента европейские столицы могли рассчитывать на развитие отношений с регионом преимущественно в атлантическом контексте, что

партнерами, которые этого пожелают, отношения фактической интеграции, а не только сотрудничества. Не предоставив им перспективу полноправного членства, ЕС реально стремится к включению партнеров в свою экономико-правовую зону. При этом изначально подразумевается, что этот процесс будет очень долгим. Но поскольку Европейский союз традиционно заботится о сохранении направления, а не о скорости продвижения, о прогрессе, а не о конечном результате, то новый подход полностью укладывается в традиционные каноны внешней политики Союза.

Региональные инициативы ЕС за короткое время проделали путь от довольно абстрактных концепций «соседства», которые объединяют в одну группу всех южных и восточных соседей, не имеющих кандидатского статуса, до официально запущенной в мае 2009-го программы Восточного партнерства, в которой наряду с Украиной, Белоруссией и Молдавией участвуют также Армения, Грузия и Азербайджан.

Значение этой инициативы не следует преуменьшать. Во-первых, впервые на востоке Европы создан формат институционального взаимодействия между ЕС и постсоветскими

странами, не включающий Россию. Таким образом, формально фиксируется снижение возможностей прямого воздействия России на принятие решений, зачастую непосредственно ее касающихся. Более того, поскольку традиционные партнеры Москвы не захотели заблокировать запуск этого формата и предпочли не идти на открытый конфликт со странами — лоббистами проекта, налицо снижение уровня и непрямого влияния. Хотя хорошо известно, что на практике ЕС приветствовал бы подклю-

ному пути (хотя соглашение самой России с ЕС, заключенное еще в 1994-м, предусматривало такую возможность), начнет нарастать. Промежуточным результатом и основой дальнейшего движения к сближению норм призваны стать соглашения об ассоциации.

В-третьих, ЕС нацеливает партнеров на многостороннее сотрудничество, подчеркивая, что реализует именно региональную политику, а не механическое сочетание нескольких двусторонних форматов¹⁹.

“Янукович будет пытаться сохранить ровные отношения и с Россией, и с Западом, получая экономические преимущества от обоих”.

чение России к конкретным проектам, текст основополагающих документов не только не содержит ссылок на необходимость координации этой инициативы с отношениями стратегического партнерства с Москвой, но и Россия в них вообще прямо не упоминается, а лишь подразумевается среди «третьих стран». Поскольку разработка инициативы была ускорена после российско-грузинского конфликта, она явно отражает усиление точки зрения, согласно которой политика ЕС не должна быть заложницей отношений с Россией.

Во-вторых, инициатива Восточного партнерства ориентирована на создание отношений политической ассоциации и экономической интеграции. ЕС и внешние страны-участники заявили о готовности создать зону свободной торговли без изъятий (то, чего Россия никогда не предоставляла региональным партнерам даже в рамках таможенных союзов), либерализовать визовые отношения и, главное, продвигать нормативное сближение, ведущее к «конвергенции с», то есть к принятию законов и стандартов ЕС. Если это произойдет даже в некоторых отраслях экономики, нормативный разрыв с Россией, которая пока даже не планирует идти по аналогич-

Что касается последних, то качественный сдвиг произошел после 2008 года в отношениях между ЕС и Белоруссией. Минск пришел к выводу, что политика ЕС нацелена не на смену режима, а на его долгую эволюцию в процессе согласования позиций. В свою очередь режим Александра Лукашенко счел возможным освободить политических заключенных, сняв тем самым главное формальное препятствие для начала диалога, и обрисовать перспективу экономической либерализации страны, чем повысил к ней интерес европейских экономических игроков. И хотя понятно, что дальнейший прогресс в отношениях будет нелинейным и в них возможны откаты и мини-кризисы (ближайший — после президентских выборов в декабре 2010-го, если только они не будут признаны справедливыми), но представляется, что отказ Минска от лавирования между Брюсселем и Москвой и его возврат к ориентации на последнюю вряд ли уже реален.

Отношения между Кишинёвом и Брюсселем также демонстрируют положительную динамику²⁰. ЕС оперативно отреагировал на приход к власти в Молдавии проевропейски настроенных политиков, увеличив экономическую

помощь и свое общее участие в делах страны. В 2010 году начались переговоры о соглашении об ассоциации. Членство Румынии в ЕС будет способствовать сохранению постоянного внимания Брюсселя к Молдавии.

Сотрудничество ЕС и Украины является наиболее продвинутым. Сегодня эти отношения вызывают наибольшее разочарование в Брюсселе именно потому, что они давно переросли стадию декларативного партнерства. Дальнейшее сближение требует перехода на прозрачные европейские правила игры внутри Украины, а этому часть украинских элит осознанно сопротивляется. Тем не менее приход к власти Виктора Януковича и стоящих за ним восточнукраинских бизнес-группировок может означать скорее паузу и топтание на месте, чем существенный откат. Янукович будет пытаться сохранить ровные отношения и с Россией, и с Западом, получая экономические преимущества от обоих. Неслучайно свой первый визит он совершил в Брюссель, а ЕС в апреле 2010-го передал Киеву рабочий документ, названный «Матрицей сотрудничества», где изложил свое видение действий, которые необходимо предпринять Украине²¹. Существует вероятность, что разочарование предыдущими результатами и нежелание преодолевать сопротивление внутри Украины продиктует Брюсселю решение дожидаться итогов экономической политики Януковича и исхода парламентских выборов 2012 года и лишь потом пойти на переформатирование двусторонних отношений. Однако вероятен и другой вариант, а именно ускоренное заключение соглашения об ассоциации с Украиной для увеличения ее возможности балансирования.

Испытание на разрыв

Анализ внутренней динамики, ограничителей российского поведения и качественных изменений, которые произошли в подходе ЕС к региону «промежуточной» Европы,

делает наиболее вероятным инерционный сценарий, в соответствии с которым ослабление интенсивности взаимодействия между Россией и странами региона будет происходить постепенно, как это было до сих пор. Однако начиная со второй половины следующего десятилетия нельзя считать полностью исключенным и ускорение центробежных тенденций, запуск резко дезинтеграционного сценария. Это может произойти в случае совпадения нескольких линий развития событий.

1. В странах региона придет к власти новое поколение политиков, нацеленное на консенсус во имя европейской интеграции. При определенных обстоятельствах это может произойти уже на рубеже 2015–2016 годов. К этому времени закончится президентский срок Виктора Януковича. В 2010-м этот политик стал первым президентом Украины, который даже во втором туре не набрал 50 проц. голосов в свою поддержку. При этом уже в первые месяцы пребывания у власти он обозначил крен в сторону России, чем настроил против себя значительную часть электората и способствовал консолидации оппозиции. Если его курс на налаживание взаимопонимания с Москвой приведет к улучшению экономического положения страны, Янукович может сохранить электоральную поддержку. Если же украинская экономика будет по-прежнему пребывать в кризисном состоянии, то уже в 2012 году новое парламентское большинство начнет оказывать серьезное давление на назначенный главой государства кабинет министров и, не исключено, добьется прихода к власти нелояльного лично президенту правительства. Тогда маятник внешнеполитических предпочтений может качнуться в обратную сторону, то есть к европейскому выбору. Если «неопроевропейская» коалиция извлечет уроки из прошлого и обеспечит внутреннюю консолидацию, в 2015-м она будет в состоя-

нии добиться избрания президента с близкой идеологической платформой.

В 2016 году от власти может быть отстранен и Александр Лукашенко. В данном случае есть две возможности. Менее вероятная связана с либерализацией страны и победой на выборах оппозиционных сил, которые сегодня группируются вокруг проевропейских лозунгов, более вероятная — с достижением аппаратного консенсуса, согласованного с ЕС, о предоставлении Лукашенко гарантий неприкосновенности в случае добровольного ухода в отставку. К власти в этом случае придет слой аппаратчиков-технократов, заинтересованных в том, чтобы Запад признал их в качестве правящей элиты независимого восточноевропейского государства. Ситуация в Молдавии наименее предсказуема, но в случае сохранения у власти нынешней коалиции проевропейская ориентация страны может углубиться уже в ближайшее время.

2. ЕС перейдет к последовательному проведению «политики условий», в результате которой заработают механизмы поэтапной фактической интеграции стран региона в политико-правовое пространство Союза (зона свободной торговли без изъятий на основе стандартов ЕС и безвизовый режим). Соглашения об ассоциации с Украиной и Молдавией могут быть подписаны уже через год-два, что поставит вопрос об интенсификации сотрудничества по сравнению с тем, что предлагается программой Восточного партнерства. Отношения с Белоруссией будут развиваться намного медленнее, но страна также вряд ли останется полностью вне процесса.

3. Выход России из экономического кризиса затянется, и параллельно внутри страны будут нарастать негативные социальные, политические и демографические тенденции. Инструментарий, находящийся в распоряжении России, ее способность экономически поддерживать соседние страны и в конечном итоге контролировать ситуацию

еще больше ослабнут, а имидж ухудшится из-за роста националистических настроений, террористической угрозы и полицейского или криминального произвола. Хуже всего, если в этой ситуации в целях повышения внутриполитической привлекательности режима либо из-за неконтролируемой провокации между Россией и одним из ее соседей произойдет вооруженный конфликт или пограничный инцидент по типу тузлинского в 2003-м, когда действия РФ интерпретировались как направленные на силовое изменение линии морской границы с Украиной.

4. Противоречия между Россией и Европейским союзом усилятся до такой степени, что Россия окончательно приобретет имидж внешней силы, периферии, принципиально неинтегрируемой не только с ЕС, но и с Европой в более широком смысле, поставщика сырья с чертами страны третьего мира. Такое развитие само по себе не ведет к конфликту между Россией и ЕС, но оно заставит последний осознать необходимость принятия на себя большей ответственности за поддержание стабильности и экономическое развитие своей непосредственной восточной периферии. При этом можно уверенно предполагать, что противоречия между Россией и ЕС, даже с учетом их нарастания в какой бы то ни было сфере, включая столкновение курсов в зоне «промежуточной» Европы, не приведут к долговременному политическому и тем более военно-политическому кризису в силу энергетической и общеэкономической взаимозависимости, а также прогнозируемой неприемлемости такого варианта развития событий для российской элиты.

«В Европу вместе с Россией»

Сценарий, благоприятный с точки зрения предотвращения дальнейшей эрозии взаимодействия России и стран региона, заключается в возврате самой России на путь сближения с Европой на основе глубокой внутрен-

ней демократизации, экономических реформ и принятия европейских норм и стандартов.

Этот сценарий позволил бы резко ослабить воздействие нескольких компонентов центробежного развития. Успешные реформы внутри страны (либерализация, отказ от протекционизма, продвижение к верховенству закона, снижение уровня коррупции, борьба с национализмом) повысили бы привлекательность России в ее непосредственном окружении. Снятие постимперской заявки на обладание зоной преимущественного влияния скорректировало бы в благоприятную сторону восприятие России как основного вызова суверенитету, политической независимости соседних стран и личным властным позициям их руководителей, что уменьшило бы их потребность в поиске внешней защиты. Лидерство России в региональных реформах способствовало бы ее превращению в однозначный приоритет политики ЕС, поскольку успех реформ в России потянул бы за собой остальные страны. Сближение норм сделало бы естественным взаимодействие, появление новых связей в треугольнике Россия – регион – Евросоюз. Россию стало бы не только невозможно, но и бессмысленно игнорировать, оставляя за рамками кооперационных форматов.

Однако очевидно, что рассматривать развитие событий по такому сценарию иначе как сугубо гипотетическую возможность или даже утопию – с учетом реалий сегодняшнего дня – невозможно. Во внутренней политике трудно представить себе начало радикальных

преобразований как минимум до президентских выборов 2012 года, и даже если процесс технологической модернизации и экономического реформирования начнется вскоре после этого, потребуются годы, прежде чем результаты такой работы станут известны. Во внешней сфере Россия проводит многовекторную политику, ориентируясь скорее на свободу рук, чем на долговременные союзы. Она очевидным образом не испытывает никакого дискомфорта от отсутствия союзников, от своего «стратегического одиночества» и более не воспринимает Европейский союз как приоритет²². Отношения России и ЕС в договорно-правовой сфере стагнируют, ограничиваясь декларациями о партнерстве. Никакого продвижения в направлениях так называемых общих пространств в экономической, культурной областях и сферах внешней безопасности и внутренних дел на деле не происходит, символом чего является отсутствие прогресса по вопросу о введении безвизового режима.

В такой момент невозможно ожидать, что в регионе «промежуточной» Европы сложится ситуация, благоприятная для всех. Но не больше оснований полагать, что, допустив превращение когда-то полностью подчиненных территорий в спорные, Россия сможет навсегда исключить перспективу их дальнейшей переориентации и присоединения к другому интеграционному проекту, если в этом будет состоять их выбор, просто потому, что тем самым она исключит такую перспективу для себя. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Motył O. End of Ukraine and Future of Eurasia // Kyiv Post. 2010. May 7* (http://kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/66065). Пр процитированное высказывание в источнике относится к Украине, но оно справедливо и в отношении всей западной части СНГ.

² Подробно см.: *Шангина Л. Возраст полной дееспособности, или Праздник, который опять не с нами // Зеркало недели. 2009. 22–28 авг.*

³ Здесь и далее использованы результаты опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований.

См.: <http://www.iiseeps.org>, посещения 25 февр. и 27 мая 2010 года.

⁴ *Formation of a Common Identity of the Citizens of Ukraine: Prospects and Challenges: Analytical Report of the Razumkov Center // National Security and Defence. 2007. No. 9. P. 20.*

⁵ *Ibid.* P. 6.

⁶ Подробно см.: *Barometer of Public Opinion – November 2009. Institute of Public Policy* (http://www.ipp.md/public/files/Barometru/2009/BOp_noiembrie_2009_English.pdf).

⁷ *Восприятие* молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Некоммерческое партнерство «Международное исследовательское агентство “Евразийский монитор”». Апр.– май 2009. С. 21–22 (<http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-155.html>; <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html>, посещение 27 мая 2010 года).

⁸ *Тренин Д.* Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния // *Pro et Contra*. № 5-6. Сент.– дек. 2009. С. 94.

⁹ Когда Путин посетил Белоруссию в марте 2010 года для участия в заседании Совета министров Союзного государства, Лукашенко внезапно отбыл с визитом в Венесуэлу, что трудно трактовать иначе как персонально нацеленный демарш.

¹⁰ Например, в своем послании народу и парламенту в апреле 2010 года Лукашенко сказал, что политика России сводится к «плановым действиям, которые поставили под угрозу выживаемость нашего государства», а благодарить за помощь приходится «не Россию, родную матушку, а своих “врагов” — МВФ, Европу, Запад» (*Коммерсант*. 2010. 21 апр.).

¹¹ Нынешний исполняющий обязанности президента страны Михай Гимпу четко заявил в интервью: «Если Россия говорит, что она признает нашу территориальную целостность, она должна решать этот вопрос. Там (в Приднестровье. — **А.М.**) на 99 процентов, если не на все 100, всё зависит от РФ... Россия должна вывести оттуда армию, все вооружения, перестать поддерживать Смирнова...» (*Коммерсант*. 2010. 5 мая).

¹² Этот эффект усиливала и официальная российская риторика. В апреле 2008 года президент РФ Владимир Путин, согласно сообщениям СМИ, заявил

на саммите НАТО в Бухаресте: «Украина — это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий — это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!» (*Коммерсант*. 2008. 7 апр.).

¹³ Уже в середине мая 2010 года, обсуждая перспективы реализации проекта газопровода «Южный поток», Янукович заявил: «Если это способ давления на Украину, то мы это понимаем. А если это конкурентная борьба, то мы к ней готовы» (*Время новостей*. 2010. 14 мая).

¹⁴ См.: *Graham Th.* The Sources of Russia's Insecurity // *Survival*. Vol. 52, No. 1, Feb.–Mar. 2010. P. 64.

¹⁵ См.: *Haukkala H.* From Zero-Sum to Win-Win?: The Russian Challenge to the EU's Eastern Neighbourhood Policies // *SIEPS European Policy Analysis*. Iss. 12. Nov. 2009. P. 7.

¹⁶ Как отмечал в недавнем прошлом крупный американский дипломат Дейвид Кремер, «российская политика по отношению к своим соседям была провальной, поскольку эти страны в растущей степени воспринимают Москву как угрожающего, непредсказуемого и ненадежного обидчика» (*Kramer D.* Resetting US-Russian Relations: It Takes Two // *The Washington Quart.* Jan. 2010. P. 64).

¹⁷ Оценивая результаты российских санкций, Дмитрий Тренин пишет: «Соседи пострадали, но и Россия не извлекла большой пользы из их страданий» (*Тренин Д.* Указ соч. С. 92).

¹⁸ Когда весной 2010 г. украинское руководство договорилось о получении от России 3 млрд дол. экономической помощи в виде скидок в цене на газ, оно одновременно добивалось от МВФ предоставления 12 млрд дол. кредитов для стабилизации бюджета. Очевидно, что предоставить такую сумму Украине Россия была не в состоянии даже теоретически.

¹⁹ Подробнее см.: *Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit*. Prague. 7 May 2009.

²⁰ Подробно см.: *Secieru S.* Integration Reloaded: Streamlining Moldova's European Course // *FIIA Briefing Paper* 56. 2010. Mar. 23.

²¹ *Pop V.* EU Gives Ukraine Fresh Blueprint for Reforms // *EUobserver.com*. 2010. Apr. 28 (<http://euobserver.com/9/29962>).

²² *Gomart Th.* Europe in Russian Foreign Policy: Important but No Longer Pivotal // *Russie. Nei. Visions*. No. 50. IFRI Russia/NIS Center. May 2010. P. 19.